

Недугова Ирина Анатольевна

ПРЕДМЕТНОЕ БЫТИЕ: ОПЫТ ВОСХОДЯЩЕЙ РЕФЛЕКСИИ

Предметом исследования является рефлексия над искаженными формами сознания. В статье представлен анализ различных подходов к рефлексии. Автором предлагается оригинальный подход к рефлексии на основе уровневого предметного анализа. Основной задачей статьи является рассмотрение вопроса о том, на основании каких процессов происходит формирование искаженных форм рефлексии. Причинами, порождающими искаженные формы сознания, могут быть: неудовлетворенное желание; ино-рефлексия, неполноценная (односторонняя) рефлексия, искажение предметной идентичности, вследствие чего возникает иллюзорное или пограничное состояния сознания. Автором разработан механизм рефлексии над искаженными формами сознания как учитывание иерархии предметных уровней бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 135-141. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

в том, что его по праву можно считать основателем теории общественного договора, что великий мыслитель за много веков до Т. Гоббса и Дж. Локка показал онтологическую природу образования гражданского общества, государства и законодательства. В его труде «Государство» передан бесценный опыт строительства государства, который привлекает внимание каждого поколения исследователей, пытающихся взглянуть на государство и общество «сквозь призму души Платона», открывая все новые и новые грани, столь важные для понимания правового государства, становления личности, уважающей закон и стремящейся передать свой опыт последующим поколениям.

Список литературы

1. Вагурин В. А. Синергетика эволюции современного общества / послесл. М. П. Семесенко, Н. Н. Скорохода. Изд-е 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 216 с.
2. Краткий словарь по философии: более 1000 статей / авт.-сост. Н. Н. Рогалевич. Минск: Харвест, 2007. 832 с.
3. Платон. Диалоги / пер. с древнегреч. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; АСТ; АСТ Москва, 2006. 551 с.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
5. Солопов Е. Ф. Человек и общество в их истории. М.: ВГУ, 2008. 315 с.

**CIVIL SOCIETY AS FUNDAMENTAL CONDITION
OF LEGAL STATE DEVELOPMENT IN PLATO'S WORK "STATE"**

Sergei Vasil'evich Mikheikin

Department of State and Law Theory and History

Academy of National Economy and State Service under the RF President (Branch) in Orel

miheikin86@mail.ru

The author presents theoretical-legal understanding of state, civil society and legislation origin, and proves that the Athenian philosopher Plato was the first developer of social contract theory, determined state development vector in the direction of democratic reforms, and revealed the ontological nature of civil society formation.

Key words and phrases: civil society; legal state; society development; social contract theory.

УДК 123.1

Предметом исследования является рефлексия над искаженными формами сознания. В статье представлен анализ различных подходов к рефлексии. Автором предлагается оригинальный подход к рефлексии на основе уровневого предметного анализа. Основной задачей статьи является рассмотрение вопроса о том, на основании каких процессов происходит формирование искаженных форм рефлексии. Причинами, порождающими искаженные формы сознания, могут быть: неудовлетворенное желание; ино-рефлексия, неполноценная (односторонняя) рефлексия, искажение предметной идентичности, вследствие чего возникает иллюзорное или пограничное состояния сознания. Автором разработан механизм рефлексии над искаженными формами сознания как учитывание иерархии предметных уровней бытия.

Ключевые слова и фразы: сознание; культура; предметность; предмет; вещь; знак; символ; динамика; пограничность; иллюзия; бытие; рефлексия; метафизика; идеальность; система; иерархия.

Ирина Анатольевна Недугова, к. филос. н.
*Кафедра социально-гуманитарных дисциплин
Южно-Уральский государственный университет
nedugova@mail.ru*

ПРЕДМЕТНОЕ БЫТИЕ: ОПЫТ ВОСХОДЯЩЕЙ РЕФЛЕКСИИ®

Одной из важнейших проблем для философии является необходимость выработки действенного механизма рефлексии. В данной статье мы представим сравнительный анализ основных подходов к рефлексии. В психологической традиции, как правило, рефлексия рассматривается как форма саморазвертывающегося «я» (Л. С. Выготский [5], С. Л. Рубинштейн [12]).

Иной подход к проблеме сознания и самосознания, в том числе и к рефлексии, сформулирован в философии. Сознание выступает как инструмент, орудие или орган личности, действующего субъекта. Отчасти этот тезис перекликается с характеристикой сознания как жизненной способности личности (М. К. Мамардашвили) [11].

Можно выделить несколько основных подходов к определению сущности рефлексии. В каждом из рассмотренных подходов представлены свои модели рефлексии, которые в свою очередь могут быть определены как формы рефлексии:

- 1) *односторонняя* (рефлексия, ведомая предметом);
- 2) *предданная рефлексия*;
- 3) *отрицательная рефлексия*;
- 4) *редуктивная рефлексия*;
- 5) *рефлексия «ино-я»* (рефлексия в форме измененного состояния сознания);
- 6) *восходящая рефлексия*.

Предложенная нами классификация рефлексии ни в коем случае не претендует на аксиоматичность и является лишь попыткой сформулировать некий концепт рефлексии самостоятельно.

Односторонняя рефлексия строится на принципе саморазвертывания логического содержания мышления в его рассудочно-разумной форме. В философии рассудочность мышления приобретает спекулятивную форму: она есть некоторое становление и потому разумность. «Субъект в односторонней рефлексии есть нечто рефлектированное в себя или становление содержания и конкретности через опосредование, которое есть равенство себе самому, находящееся в движении» (Г. Гегель) [6, с. 166]. Односторонняя рефлексия в качестве «продукта» имеет чистые формы: единое, целое и пр. Таким образом, представление и цель – это обработанные логическим мышлением и выраженные в слове или другом материале овеществленные потребности, вожелания, влечения человека. Таким человеческим проявлениям в силу этого присуще понятие истинности-неистинности (Г. Гегель) [Там же, с. 167].

Односторонняя рефлексия ухватывается за мету, сторону предмета. Таким образом, односторонняя рефлексия есть только схватывание стороны пред-мет-а. Односторонняя рефлексия по определению лишена полноты, она есть измерение пред-мет-ом.

Предданная рефлексия. Суть предданной рефлексии заключается в изначальной заданности опыта. У И. Канта самоаффицирование формальной структуры восприятия есть то, что «мы имеем в опыте дело только и только с тем, что сами уже вложили в опыт» [10, с. 198]. В этом смысле самоопределение рассудка (apperception), по И. Канту, само по себе не рефлексивно (в контексте объективной абсолютной рефлексии), а просто-напросто дано как факт, факт уже связанности представлений, выступающий условием опыта [Там же, с. 65]. По И. Канту, «сфера рефлексии – рефлектирующее суждение вкуса», т.е. предполагаемое отрицание материального [Там же, с. 71].

Предданность вызывает необходимость увязывания заданного и приобретенного опыта. При этом предданность единства ощущений в созерцании как бы «генетически» предопределяет структуру интенциональности действующего рассудка? Или: не являются ли обе эти данности – предданность чувственности (единство многообразного) и предданность суждения (единство функции) – одной и той же данностью? Рефлексивная установка сознания в гегелевской интерпретации была ориентирована на обоснование возможности прояснения логического содержания любого знания. Путь движения познания к абсолютной истине состоит, по Г. Гегелю, в различных способах «приведения внешнего к внутреннему, которое и есть сам дух» [6, с. 18]. Отрицание (снятие) внешнего у Г. Гегеля есть идеальность, возможность возвращения духа к себе. Только дух, по Г. Гегелю, есть идеальное, ибо только в духе идея снимает свое инобытие. Г. Гегель пишет: «Целое (Ganze) также имеет форму, т.е. определенность бытия, так как и бытие обнаружило себя в становлении только как снятый, отрицательно определенный момент; но таково оно для нас в нашей рефлексии; оно еще не положено в самом себе» [Там же, с. 16].

Г. Гегель писал: «Определенность же наличного бытия как таковая есть положенная определенность, на что указывает и термин “наличное бытие”. Следует всегда строго различать между тем, что есть для нас, и тем, что положено; лишь то, что положено в каком-то понятии, входит в рассмотрение, развивающее это понятие, входит в его содержание. Определенность же, еще не положенная в нем самом – все равно, касается ли она природы самого понятия или она есть внешнее сравнение, – принадлежит нашей рефлексии» [Там же, с. 17].

Разведение рефлексии Г. Гегелем на «внутреннюю» и «внешнюю» подразумевает разграничение «Я к миру» и «Я к себе» [Там же, с. 18]. «Формой внешней рефлексии является рефлектирующий или разделяющий рассудок, который упорствует в своих разделениях, отделяет бога “как сущность от явления, как бесконечное от конечного”» [Там же, с. 100]. Г. Гегель указывает: «Внутренняя же рефлексия – это нахождение единства в различном, выход рассудка за пределы этих своих разделяющих определений и их соотнесение. Поэтому внутренняя рефлексия есть разум» [Там же, с. 112].

Г. Гегель пишет: «Рефлексия предполагает, что дух знает о себе в каждой точке своего движения, а потому между актом полагания и положенным как результатом этого акта нет никакой пустоты, зазора, в который не мог бы проникнуть познающий себя дух; рациональное познание духом самого себя нигде не встречает препятствий и разрывов» [Там же, с. 78].

Редуктивная рефлексия. Согласно концепции Г. Гегеля, рефлексия не дает человеку полностью отдаться своему состоянию переживания по поводу какого-либо события или своему делу, если оно не является истинным делом и не преследует истинной цели [6]. Э. Гуссерль, напротив, особое место в рефлексии уделял анализу переживания [7, с. 66]. В *метарефлексивном я* нет ничего выходящего за рамки возможностей

человеческого сознания. Так как рефлексии над переживаниями, в свою очередь, суть сами переживания, то, будучи таковыми, они «могут становиться субстратами новых рефлексий» [6, с. 90].

Л. С. Выготский, разрабатывая учение о человеческом сознании, выделил в качестве основных вех этого учения «знак – значение», «значение – понятие», «понятие – клеточка сознания» и в итоге «оказался рационалистом в психологии» [5, с. 89].

Как правило, в рамках данного подхода рефлексия описывается как инструмент движения от конкретного к абстрактному (с учетом уровней сознания) или как процесс осознания своего сознания. Чем абстрактнее, тем рефлексивнее (Л. С. Выготский вводит понятие «единицы сложности смысла») [Там же]. Результаты рефлексии – «следы» на очередной поверхности сознания – «фигуры мышления», по Л. С. Выготскому [Там же, с. 90].

С позиции Г. Г. Шпета, основой рефлексии может быть только «феноменологический метод» [21]. Редуктивность рефлексии есть «нахождение в сознании собственно условий возможности» [Там же, с. 10]. Сторонники редуктивной рефлексии утверждают, что рефлексия самодостаточна, что она направлена на сознание, которое уже потенциально рефлексивно. Г. Г. Шпет пишет: «Феноменология ищет доступ к сознанию “в-себе” средствами самого сознания (посредством рефлексии). Зеркалом, в котором сознание видит свою “сущность”, является время, причем это зеркало, говоря кантовским языком, обладает “трансцендентальной идеальностью”, т.е. само по себе, “если отвлечься от субъективных условий”, “абсолютно ничего собой не представляет”» [Там же, с. 126].

Новый этап в рассмотрении рефлексии связан с представлением о ней как о свершаемом акте перехода из внешнего во внутренний, от наблюдения к осмыслению и т.п. Рефлексия как «свершенный акт», как «законченная форма» представлена в трудах Э. Гуссерля. С позиции Э. Гуссерля, исключительной характеристикой рефлексивного акта выступает его абстрагирующий и аналитический характер. Разъясняя сущность рефлексии, Э. Гуссерль апеллирует к внутреннему опыту читателя, как бы предлагая проделать рефлексивное наблюдение [7].

Рефлексия через «инобытие». Рефлексия или переосмысление человеком самости осуществляется в ходе погружений в изменённые состояния сознания (ИСС), которые проявляются в символической презентации, выраженной в личностных переживаниях различных актов состояний.

Характерной особенностью искаженных состояний сознания является оживление прошлого в настоящем, приводящее к активизации глубинных бессознательных содержаний личности и их взаимодействию с сознательным «я». Этот новый интерактивный диалог приводит к возникновению у субъекта специфических трансферентных искаженных состояний сознания.

Искаженная форма сознания есть возможность «диалога сознательного и бессознательного», т.е. осознанное взаимодействие между различными психическими структурами, имеющими различную степень представленности в сознании, осознанности [5, с. 17].

Позиция С. Л. Рубинштейна в отношении рефлексии над ИСС однозначна: рефлексия возможна только как «онтология жизненного мира». Он пишет: «Первичное отношение – это отношение к миру не сознания, а человека» [12, с. 9]. «В качестве субъекта познания... человек выступает вторично; первично он – субъект действия, практической деятельности» [Там же, с. 66].

Разграничение рефлексивного состояния на два уровня представлено С. Л. Рубинштейном: «Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек... Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек... не может занять позицию вне ее для рефлексии над ней... Такая жизнь выступает почти как природный процесс» [Там же, с. 79]. «Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее» [Там же].

Противоположную точку зрения высказывает М. К. Мамардашвили [11, с. 11], включая в каждое сознание некий элемент «созидаемости», «искусственности». И таким образом определяет рефлексию над любой формой сознания как способность действующего субъекта.

Отличительной чертой основной массы психологических теорий является произвольность в механизме рефлексии. Как правило, это произвольное манипулирование идеальными содержаниями в умственном плане, основанное на переживании дистанции между своим сознанием и его интенциональным объектом.

В целом, основываясь на указанных концепциях, можно вывить три описанных формы рефлексии. Первая представляет собой собственно полное отсутствие самоконтроля, сосредоточенность лишь на внешнем интенциональном объекте деятельности (что можно обозначить термином «*арефлексия*»). Вторая может быть описана как *интроспекция*, при которой фокусом внимания становится собственное внутреннее переживание. И третья – *квазирефлексия*, направленная на иной объект, уход в посторонние размышления. Интроспекция также односторонняя, как и арефлексия. В ситуациях практической деятельности интроспективная «ориентация на состояние» проигрывает арефлексивной «ориентации на действие», хотя в контексте психотерапии она может быть весьма продуктивна. Квазирефлексия, уводящая в резонерские спекуляции и беспочвенные фантазии, является, скорее, формой психологической защиты через уход от неприятной ситуации, реальное разрешение которой не просматривается.

Таким образом, сложность подобной рефлексии заключается в необходимости решения двойной задачи соотношения для того, чтобы быть самим собой: соотноситься с другими и соотноситься с самим собой.

В любом искаженном состоянии сознания мы можем наблюдать актовость совершения рефлексии через поиск актуализации «я», но при этом опыт обязательно включает в себя элемент раздвоенности «я»

(«низшие формы» и «высшие формы» рефлексии описал С. Л. Рубинштейн) [12]. Вхождение в искаженное состояние сознания обостряет рефлексию «я». Данная рефлексия – не полная, в силу своей односторонности, и является формой иррационального опыта.

В традиции психологических подходов к рефлексии доминирующей является модель «внешнего» человека, однако такой подход к рефлексии не раскрывает сути данного процесса, привязывая рефлексию к внешнему опыту, что само по себе абсурдно. Наоборот, модель «внутреннего» человека дает возможность построения действенной рефлексии.

Культура возникает как пред-мет-ность. Человеку онтологически необходимы границы (*меты*), структурирующие бытие. Культура есть предметно определенная сознанием иерархия уровней от вещи к знаку, от знака к символу и, наконец, неопредельному знаку. Мы рождаемся в определенной предметности. Сознание отражает предметные уровни бытия. Окружающий нас предметный мир – это мир человеческой деятельности. Его объективные продукты и формы воплощают в себе и кристаллизуют общественно развитые способности и силы человека.

Сознание предметно определено. Процесс опредмечивания-распредмечивания – это процесс выстраивания и считывания предметных уровней бытия человека. Процесс опредмечивания, в свою очередь, – это формирование структуры пред-мет-ности. В ходе опредмечивания возникает акт объективации, «орудийность» (М. Хайдеггер) [19], «направленность» на предмет (С. Л. Франк) [18], «организменность» (П. А. Флоренский) [17], выстраивание «безотносительного не» (Г. Гегель) [6]. Опредмечивание – это «ожидание напротив» (М. Бубер) [3].

Распредмечивание есть учитывание предметных уровней, воспринимаемых во взаимосвязи друг с другом. Пред-мет-ность изначально задана, она есть «конечная форма» (М. К. Мамардашвили) [11], она «захватывает» сознание (Н. А. Бердяев), «пережитое содержание» (Э. Гуссерль) [7].

Но сама система предметно определенной культуры подвижна. Если некоторые формы духовного производства только отражают изменения в сознании и, как следствие, в культуре, то другие активно вмешиваются в процесс опредмечивания. Иерархия предметных уровней то сжимается, то расплывается, следуя за движением системы культуры.

Процесс формирования пограничных состояний сознания напрямую зависит от диссипативных процессов культуры. Процесс растяжения системы культуры – это процесс, при котором уровни предметности (вещи, знаки, символы и неопредельные знаки) сближаются, сужая границы предметности. Процесс растяжения – это процесс, при котором каждый предметный уровень содержит в себе переходные формы. Циклы сжатия и растяжения сменяют друг друга.

Стадия перехода культуры возникает как дискретизация структуры культуры, как изменение распознаваемого сознанием ранжирования предметных уровней. Переход возникает тогда, когда происходит изменение структуры культуры (от сжатия к рассеиванию). Сознание, улавливая фрагмент изменения, возможно, и не ощущает всю полноту стадии перехода, но четко воспринимает изменение само по себе.

Переход подготавливается возникновением внутри системы диссипативных элементов, которые долго не замечаются, так как культурное сознание до поры до времени улавливает лишь то, что обозначено системно.

Признаками переходной эпохи являются:

- 1) изменение сути рефлексии предметного бытия человека (первая стадия может быть определена как период, время новых рубежей (в этой стадии время ускоряется или замедляется));
- 2) переломная стадия, при которой возникает ощущение несоответствия предметных уровней и актуального бытия, сопровождается оценкой культуры как устаревшей;
- 3) отрицание культуры, а через отрицание культуры и отрицание сознанием самого себя (период, когда выявляются смысл и масштаб произошедших изменений).

Для любой стадии характерно появление специфического типа пограничного сознания, которое, отражая и воплощая изменение состояния культуры, может быть связано и со старой, и с новой систематикой.

Можно указать следующие переходные эпохи: архаика, Возрождение, Просвещение, модерн, постмодерн. При этом очевидно наблюдается усиление частоты переходов в культуре со временем.

Характерным признаком перехода системы культуры является колебание от романтизма до авангардизма, модернизма и постмодернизма, возникают различные варианты пограничного, порогового, предельного, порубежного, трансгрессивного творческого сознания. Стадии перехода всегда сопровождаются резкими изменениями оценки культуры сознанием. Именно сознание, подводимое системой культуры, распознает код культурного поля. Такие изменения сопровождаются ощущением кризиса культуры, объективным восприятием «отсутствия» культуры. Стадиально можно выделить, например, такой порядок: модерн – авангард – модернизм – массовая культура – постмодернизм. К середине XX века вполне очевидным стал процесс рассеивания системы культуры, который проявился в фактическом отсутствии «высокого» искусства.

Можно заметить, что на границе смыслы не ищутся, а формируются. Герой романа А. Камю «Посторонний» именно планомерно формирует объяснение всего, что он делает [9, с. 380].

Даже при поверхностном анализе переходных эпох, очевидно, что когда культура переходит из одной стадии в другую, то происходит активизация архаических пластов, вступающих в напряженные отношения с традиционным и современным пластами, активизируется религиозно-мифологический опыт, вплотную сближаются потустороннее и посюстороннее, идеальное и земное, возрождается эсхатологическое переживание канунов и рубежей.

Признаком смены состояния системы культуры от сжатия к рассеиванию является обострение ключевых оппозиций типа я/другой, порядок/хаос, смерть/жизнь, бытие/небытие, вера/безверие, смысл/абсурд, земное/трансцендентное, профанное/сакральное.

Острота момента проявляется в пограничном сознании – сознании, поставленном в условие жесточайшего выбора. Данный выбор изначально не дает возможность выбрать полностью. У Ж.-П. Сартра в «Мухах» Орест, делая выбор, вступает в водораздел невозможности: «Я сказал тебе, что есть и иной путь... мой путь. Ты не видишь его? Он начинается отсюда и идет вниз, в город. <...> Я слишком невесом. Я должен взвалить на плечи тяжкое преступление, которое потянет меня на дно – в самые глубины Аргоса» [13].

Таким образом, по-*границное* сознание – это состояние нерелексивности сознания, обусловленное неравновесными процессами в культуре. Противоречивость влияния культуры как предметного поля и сознания, прежде всего, является вопросом онтологическим.

Сжатие системы культуры приводит к тому, что мышление не имеет возможности *осо-знания* иерархии предметных уровней бытия. Плоскостная культура формирует «сжатый смысл», упрощенное значение, «невещественную» вещь. Сознание наталкивается на несоответствие предметных уровней бытия и воспринимает их как искаженное изображение, копию без оригинала.

Искаженная рефлексия как форма прислоненности к вещи приводит к утрате возможности оппозиции «я» предметному бытию. В романе А. Вампилова Зилов ищет возможность рефлексии не в самом себе, но лишь во внешней активности, совершении действия. Для него подобным актом рефлексии становится охота. «Только там ты чувствуешь себя человеком. Я повезу тебя на лодке... Я повезу тебя на тот берег... мы поплывем как во сне, неизвестно куда. А когда поднимается солнце! Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился» [4, с. 200]. Зилов лжет – и лжет, прежде всего, себе. Ложь Зилова – это поиск той грани, которая стала бы рубежом для него, после которой он стал бы иным. Зилов выбирает «горизонтальную» рефлексию, основанную на переборе ролей, мет, позиций, но не видит возможности восхождения к самости через перебор предметностей и нахождения точки Ничтожности. Н. А. Бердяев указывал на порочность такой позиции: «Всякая подавленность есть оторванность человека от подлинного мира, утеря микрокосмичности, плен у “мира”, рабство у данности и необходимости. Природа всякого пессимизма и скептицизма – эгоистическая и самолюбивая. Сокрытие в творческой силе человека всегда есть самолюбивая рефлексия и болезненное ячество» [2, с. 211].

«Ино-рефлексия» в качестве способа нахождения точки «я» выбирает активность, совершение какого-либо действия, принятие какого-либо вещества и прочее. Подобная рефлексия есть всегда путь в болезненность сознания.

Состояние «бегства от сознания» обязательно сопровождается театральностью, показательностью. Акт пограничности сознания должен иметь зрителя, вовлекаемого в процесс. Данное действие имеет одну цель – обнаружить точку рефлексии. Этот вид искажения идентичности «я» – прежде всего, усталость от себя. Перед этой фундаментальной усталостью все остальное лишь череда ролей, инсценировок, полетов фантазии, коротание времени. Основной спектакль давно написан: «Я уже давно написал сочинение на эту тему» (А. Камю) [9, с. 370]. Именно поэтому желание невозможного также превращается в фарс, в красивую декламацию: «Чем утолить мою жажду? Какое сердце, какое божество бездонно, как озеро, чтобы напоить меня? Ни в этом мире, ни в ином нет ничего мне соразмерного. А ведь я знаю, мне нужно только одно: невозможное. Невозможное! Я искал его на границах мира, на краю своей души» (А. Камю) [Там же, с. 278]. Л. Шестов назвал это «ночным видением», которое затмевает рациональное в самопознании, которое подтачивает себя самоубийственным вопросом: «стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить» [Там же, с. 280]. И эта жизнь превращается в ад: «тает смысл нашей жизни», «мы теряем основания существовать», «жизнь обращается в ничто» [21, с. 78, 90]. Ж. Батай определяет ИСС как «осечку» в переживаниях, ледящий душу покой, «отсутствие экзальтации» [1]. Знаменуя собой конец механической жизни, усталость в то же самое время есть срыв нормальной жизнедеятельности, невозможность следовать общим правилам игры. Чтобы возродить себя, необходим *другой*, акт его зрения. *Другой* может быть и образом, но экзальтация всегда носит характер обращения.

Восходящая рефлексия. Особую форму рефлексии представляет восходящая рефлексия, сформулированная в традиции философского интуитивизма.

Философы данной школы отрицают определенность рефлексии самим сознанием, а предположение о полной прозрачности содержания опыта для рефлексии определяют как иллюзию.

В противовес предыдущей установке они вводят понятие «*сверх-рефлексии*». П. Тейяр де Шарден указывал: «Рефлексия – это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способностью не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь» [16, с. 136].

Метарефлективное «я», таким образом, обычно выполняет роль «цензуры» в отношении рефлексирующего «я», то есть функцию самоконтроля, но более высокого уровня (А. Н. Бердяев) [2].

В. Соловьев отмечал необходимость для человека нахождения точки единения с Богом: «Есть Бог. Он – внутренний источник всего бытия, идеального и материального, внутреннего и внешнего, единого и дискретного, механического и диалектического. Сущее имеет две стороны: факт и истину. Они разорваны, обе стороны действительны сами по себе. Первая сторона – факт – непроницаема, закрыта. Вторая сторона – истина – открыта, проницаема. Связь между ними может установить человек, который содержит в себе обе

стороны мира: истину – в разуме, а факт – перед собой. Человек с помощью своей мысли побеждает объективность и силу факта, уподобляет его истине» [15, с. 507].

По мысли П. Флоренского, сознание живет, только если разум *пере*-бегает (дискурсирует) от одного суждения к другому, и тем самым первое суждение получает свое обоснование и оправдание во втором (П. А. Флоренский) [17].

Выходом из искажения сознания может быть внешнее определенное нахождение неопредельных знаков (Г. Гегель) [6, с. 70] или образ отстоящего *другого* (А. Камю) [9]. Восходящая идентичность с предметными уровнями бытия через точку отстраненности есть способ преодоления искаженных форм сознания.

Процесс рефлексии как осознание можно определить как целостность, полноценность себя. Учитывание предметных уровней бытия через точку отстраненности от каждой формы предметности является условием самосознания. С. Л. Франк пишет: «...предметное сознание по общему правилу всегда сопровождается самосознанием» [18, с. 89].

М. Хайдеггер пишет: «Сознание поэтому есть не что иное, как смыслообразование» [19, с. 167]. По М. Хайдеггеру, сознание «улавливает смысл» в каждом предмете. Однако рефлексия предполагает возможность восхождения от предмета к предмету, иначе это будет искаженная, захваченная предметом рефлексия.

Таким образом, можно выделить следующие основные «ошибки» рефлексии¹: перепутывание предметных уровней (иллюзия); невозможность обнаружения (пограничность сознания); рефлексия «ино-я» (искаженное состояние сознания).

Рефлексия возможна как постоянное сопоставление процессов опредмечивания и распредемечивания, как отличие себя от предметных уровней. Максимальная степень восхождения сознания от одного предметного уровня к другому представлена как точка «НЕ», как отрицание всякой захваченности предметом или гранью, как возможность чистой рефлексии, с учетом иерархии предметных уровней бытия. Сознание рефлексующее противостоит сознанию отражающему.

Рефлексия может быть иллюзорной по форме. Сознание иллюзорное воспринимает один предметный уровень как другой, придавая ему несвойственную потенцию. Например, придавая вещи образ неопредельного знака.

Рефлексия может быть актовой по форме, но искаженной по содержанию. Это состояние сознания, при котором отсутствует целостная картина сознания и, следовательно, невозможна полноценная рефлексия. Это некая зона церебрации (паралича сознания). Она скрыта для рефлексии и является формой искаженного состояния сознания.

Рефлексия может быть способом понимания себя через *другого* (рефлексия в состоянии пограничного сознания). Сознание, утратившее возможность видеть все предметные уровни, вставшее на грань, может быть определено именно как по-*граничное* сознание. Сознание, захваченное не предметом, но гранью (и в этом нет тавтологии или неточности определения), и есть сознание пограничное. Пограничное сознание – это сознание, потерявшее себя как способность. Лишь сознание, проходящее каждый предметный уровень через идентификацию себя с ним, но отрицающее данное приближение к предмету или к грани, обретает в точке «НЕ» способность отстранения не только от предмета, но и от грани. Такое отстранение есть не просто плоскостное самопознание (как некий акт поиска себя, принятый в психологической традиции), а именно есть нахождение себя как формы бытия.

Таким образом, рефлексия, преодолевающая все искажения опыта, может быть построена только как восхождение от одного предметного уровня к другому, отрицающая привлеченность каждым уровнем. Линия водораздела между рефлексивной и нерефлексивной формами сознания может быть достаточно прозрачной.

Обнаружить рефлексия как форму невозможно, рефлексия предполагает движение мысли, акт работы сознания. Подлинная рефлексия возможна только как о-*сознание* предметных уровней, восхождение через приближение к предмету: от телесности к знаковости, от знаковости к символичности и от символичности к неопредельности («Ничтожности»).

Рефлексия возможна только как рассмотрение структуры предметности бытия из точки «НЕ». Любой иной подход грозит односторонностью рефлексии. Рефлексия сознания в данном случае должна, прежде всего, опереться на твердое разграничение в сознании предметных уровней через отрицание предмета через точку «НЕ».

Список литературы

1. Багай Ж. Невозможное. М., 1999. 320 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
3. Бубер М. Я и Ты. М., 1992. 650 с.
4. Вампилов А. Утиная охота. М., 2011. 270 с.
5. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. История развития высших психических функций.
6. Гегель Ф. В. Ф. Энциклопедия философских наук // Гегель Ф. В. Ф. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. 472 с.
7. Гуссерль Э. Феноменологическая психология (Амстердамские доклады) // Логос: филос.-лит. журнал. 1992. № 3. С. 65-98.
8. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. СПб., 1999. 82 с.

¹ Мы позволяем себе назвать их ошибками, в то время как сторонники иных подходов, возможно, воспримут нашу позицию как ошибочную.

9. Камю А. Калигула. М., 2000. 450 с.
10. Кант И. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. Критика чистого разума. 785 с.
11. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995. 548 с.
12. Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды: основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. 463 с.
13. Сартр Ж.-П. Избранные произведения. Мухи [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SARTTR/p_muhi.txt (дата обращения: 18.01.2012).
14. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм. М., 1988. 240 с.
15. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». М., 1994. 528 с.
16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2011. 446 с.
17. Флоренский П. А. Христианство и культура. М.: АСТ, 2001. 672 с.
18. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. М.: АСТ, 2000. 990 с.
19. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 2007. 624 с.
20. Шестов Л. На весах Иова (Странствования по душам) // Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. М., 1993. Т. 2. 560 с.
21. Шпет Г. Г. Явления и смысл. М., 1992. 192 с.

OBJECTIVE EXISTENCE: EXPERIENCE OF UPWARD REFLECTION

Irina Anatol'evna Nedugova, Ph. D. in Philosophy
Department of Social-Classical Disciplines
South-Ural State University
nedugova@mail.ru

The author studies the reflection over consciousness distorted forms, presents the analysis of different approaches to reflection, suggests the original approach to reflection on the basis of level objective analysis, considers the processes on which basis the formation of distorted reflection forms happens, mentions the following reasons causing consciousness distorted forms: unsatisfied desire, another-reflection, defective (unilateral) reflection, distortion of object identity, causing illusory or borderline states of consciousness; and develops the mechanism of the reflection over consciousness distorted forms as taking into account existence objective levels hierarchy.

Key words and phrases: consciousness; culture; objectivity; object; thing; sign; symbol; dynamics; marginality; illusion; existence; reflection; metaphysics; ideality; system; hierarchy.

УДК 34

В статье дается понятие противодействия расследованию со стороны организованной преступности, приводятся эмпирические данные о наиболее распространенных способах противодействия, используемых организованными преступными группировками, действующими в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней, указываются отдельные методы преодоления противодействия.

Ключевые слова и фразы: противодействие органам следствия; организованные преступные группы; драгоценные металлы; драгоценные камни; способы преодоления противодействия.

Сергей Леонидович Никонович, к.ю.н., доцент
Кафедра уголовно-правовых дисциплин
Липецкий институт права и экономики
trapezunt@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ СО СТОРОНЫ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУППИРОВОК, ДЕЙСТВУЮЩИХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И КАМНЕЙ, И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ[©]

Групповая и организованная преступность в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней существенно осложняет борьбу с ней в силу противодействия обнаружению, раскрытию и расследованию преступлений со стороны как преступных группировок, так и отдельных лиц. Замечено, что «если противодействие успешно осуществляется даже по небольшому количеству расследуемых дел, остаются безнаказанными тысячи лиц, совершивших преступления. Цифра эта еще увеличится, если к ней прибавить число не выявленных в результате указанного противодействия деяний» [6, с. 4-9].

А. Ф. Волынский, В. П. Лавров справедливо отмечают, что «само противодействие раскрытию и расследованию преступлений, объективному и справедливому расследованию уголовных дел в судах по существу стало противодействием деятельности правоохранительных органов в целом и в этом смысле приобрело характер крайне негативного и очень опасного социально-правового явления» [3, с. 366-367].